

# РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 821.161.1

Н. В. Крицкая

## ЖИВИ КАК ПИШЕШЬ

Предпринята попытка соотнесения личностных и литературных установок И. А. Крылова с романтической концепцией конца XVIII – начала XIX в. Подчеркнутый прагматизм Крылова, называемого позднейшими исследователями антиромантиком, как оказывается, имеет много общего с одним из базисных принципов романтизма «Живи как пишешь и пиши как живешь», провозглашенным В. А. Жуковским.

**Ключевые слова:** *И. А. Крылов, личность, басня, эпоха романтизма.*

Славное имя И. А. Крылова едва ли придет в голову человеку, размышляющему о природе романтизма. Кажется, что басни антиромантичны по определению, как антиромантична натура их прославленного создателя. Действительно, можно ли связать возвышенные идеалы романтиков и подчеркнутый прагматизм Крылова, «в деяниях» которого, «в его разговорах был всегда один только расчет; в его стихах чистота, стройность и размер, везде ум, нигде не проглянет чувства» [1, с. 168]? Вместе с тем субъективно-личностное начало, предопределившее эстетику романтического искусства, имеет непосредственное отношение к уникально-самобытной натуре русского баснописца и его творчеству.

Басня – жанр настолько традиционный, что задачей баснописцев из века в век считалось умение «освежить обветшалые картины новизной красок» [2, с. 257]. Развитие литературы шло своим чередом, а «обветшалые картины», обнаруживая мало склонности к существенным изменениям, претерпевали некоторые колебания в пользу преимущественного развития морали или сюжета в соответствии с актуальной литературной «погодой» [3]. Так, в России в конце XVIII – начале XIX в. басня превращается в лирическую исповедь сентиментального автора, поскольку традиционный для баснетворчества дидактический рационализм кажется несовместимым с грядущим романтизмом. Изысканный стиль и манера «улыбаться в пленительных стихах» И. И. Дмитриева, по словам И. З. Сермана, обновившего басню «прививкой эмоциональности и лиризма песни и элегии» [4, с. 246], делают его живым классиком жанра, или, как это принято было говорить по отношению к выдающимся баснописцам, «русским Лафонтеном».

В этот период всеобщего интереса к сентиментальным исповедям и романтической изысканно-

сти чувств появление на литературном небосклоне автора, не демонстрирующего ни малейшего уважения к модным веяниям и противопоставившего возвышенному полету романтической мысли по-крестьянски приземленный взгляд на вещи, казалось бы, было обречено на неприятие аудиторией. Однако в действительности происходит противоположное: едва появившись, басни Крылова становятся чрезвычайно востребованными, а их создатель почти мгновенно становится любимцем читающей публики, при этом «ученые, полуграмотные, дети, старики, вельможи, простолюдые, насмешники, добряки – каждый из них убежден внутренне, что Крылов, сочиняя свои басни, о том только и думал, как бы попасть на его вкус, как бы совпасть с его миром, как бы угодить и предупредить его нужды» [5, с. 259]. Споры о преимуществе басен Крылова или Дмитриева, бурные в начале басенной карьеры Крылова, скоро затихают: признается его безусловное первенство. Резюмируя общественное мнение, П. А. Вяземский пишет о Крылове: «...он счастливый смельчак, бесстрашный наездник, который, смеясь законам, умел приковать победу к себе и закупить навсегда пристрастие народа, склонного всегда рукоплескать счастливой смелости» [6, с. 321].

Обратившись к басне уже зрелым, сформировавшимся человеком, имея за плечами немалый литературный и житейский опыт, Крылов занимает совершенно самостоятельную и во многом уникальную литературную позицию. Его басни, не вписываясь ни в классицистические, ни в сентименталистские рамки, были настолько самобытны, что это позволяет тому же Вяземскому заметить: «Крылов явление совершенно отдельное. Он никогда не продолжал и ничего не зачал. Он ничей не преемник и никому не родоначальник». При этом Вяземский признает, что «басни его были

призванием не только по врожденному дарованию, но и по трудной житейской школе, через которую прошел» [7, с. 175].

Известность Крылова была огромна; новые басни расходились тысячными тиражами, вызывая восхищение и точностью слова, и красочностью образов, за которыми просвещенная публика угадывала реальных персонажей и события окружающей действительности, и особым мироощущением, которое не оставляло сомнений в том, что автор этих басен был человеком глубоко русской культуры. Не меньший интерес современников вызывала и яркая, необычная фигура создателя этих неподражаемых басен, стоящая совершенно наособицу в ряду модных авторов. Как самобытны были басни Крылова, так и он сам «выпирал из любой толпы», будучи ни на кого не похож и ни под кого не подделываясь, слывя оригиналом и чудачком и вместе с тем вызывая почти благоговейное уважение: «ему все смотрели в глаза и чуть на него не молились» [8, с. 168].

Еще при жизни Крылов (не оставивший после себя ни одной автобиографической строки и отказавший в помощи мемуаристам) был окружен сонмом легенд и литературных анекдотов, которые он сам же и подкидывал свету. Басенный рассказчик, «дедушка Крылов», настолько сливался в представлении читателей с личностью самого баснописца, что уже спустя более полувека после его смерти исследователи, пытаясь выделить из «куч анекдотического мусора» все достоверное и ценное, что возможно было знать о жизни Крылова на основании «документальных данных и проверенных им свидетельств современников» [9, с. 20], не смогли, однако, добавить к воспоминаниям знавших его людей почти ничего нового. В воспоминаниях же Крылов неизменно представлялся добродушным сибаритом и философом, плохо ориентированным в лабиринте светских условностей, неряшливым и любящим вздремнуть в любое время суток. Вместе с тем баснописец, ум которого стал нарицательным еще при его жизни, отнюдь не был добродушным простаком.

Необыкновенно умный и осторожный с людьми, Крылов, создав себе удобный имидж философа и оригинала, имел возможность спрятать душу за милыми чудачествами всеобщего любимца. Парадоксально, как при всей своей сонливости и легендарной лени «хомяк» Крылов постоянно находится в эпицентре петербургского литературного и светского общества; скептический ум и редкое чувство юмора везде делают его желанным гостем. Не являясь членом ни одного из литературных объединений, не умещаясь в рамки ни одной из литературных группировок, он посещает собрания как «Беседы любителей русского слова», так и «арза-

масцев», не примыкая ни к одному из них. Он во всем индивидуален, он «сам по себе». Это противопоставление собственной личности всему свету не было эксцентрично-демонстративным, оно казалось естественным и органичным продолжением натуры баснописца. Известный писатель, любимец многотысячной читательской аудитории, Крылов имел право на независимость от мнения общества. Однако было время, когда молодой автор сознательно встал на путь противопоставления собственной личности и таланта мнению окружающих. Может быть, именно это имел в виду Вяземский, говоря, что Крылов «всю жизнь свою, а впоследствии и дарование... обделал умно и расчетливо» [7, с. 174]?

Провинциальный юноша Крылов, без денег и связей оказавшись в Санкт-Петербурге, находит для себя литературную нишу, дающую возможность для реализации его острого критического взгляда на мир и насмешливого независимого характера – сатирическую журналистику. Здесь Крылов разворачивается во всем великолепии молодого остроумия, как будто упиваясь возможностями своего едкого пера, не дающего пощады ни одной прослойке российского социума. За блеском ироничных пассажей скрывается резкое неприятие молодым сатириком российской действительности; однако они ценны и сами по себе, даже не будучи идейно нагруженными – талантливый самоучка Крылов не мог не осознавать, что именно редкостное остроумие выделяет его из множества начинающих писателей.

Очевидно, сказалось и увлечение молодого автора французским либертинажем, проповедующим культ острословия, вольнодумство, крайне эпатажное, а порой и скандальное поведение, выпячивающим бытовые стороны жизни в противовес отвлеченной высокой духовности. А как издевается, как зубоскалит молодой Крылов над модными сентиментальными авторами! Можно лишь предполагать, что он нажил себе не одного врага из тех, кто, по его мнению, «...садится за письменный столик, как скоро почувствует только позыв на письмо. Фразу свою кончит тогда, когда надобно перо обмакнуть в чернильницу; период тогда, когда нужно его перечинить; как же скоро пленяется он новым содержанием, тогда, на первом своем сочинении подписав торжественно: конец! принимается тотчас за другое, которое обрабатывает с такою же благородною вольностию» [10, с. 398].

И «Почта духов», и «Каиб», и пародийные «Речи» Крылова убеждают, что он не просто дерзок в своих ранних произведениях, но вызывающе, эпатажно дерзок; он буквально ходит по краю, осмеивая всех и вся невзирая на ранги, включая стареющую императрицу и ее могущественных фаво-

ритов. Кажется, даже инстинкт самосохранения не может уберечь Крылова от желания выделиться из общей массы, быть не таким, как все, быть веселее, свободнее и беспощаднее своих собратьев по перу. А чем, кроме стремления шокировать не только адресата, но и всю читающую публику, может быть вызвано ходившее по рукам письмо директору императорских театров П. Соймонову, начинавшееся словами: «И последний подлец, каков только может быть, ваше превосходительство...» и содержащее множество двусмысленностей типа «пусть бранится глупый, ваше превосходительство» или «но, видя глупое, ваше превосходительство, можно ль не смеяться иль не зевнуть?» [11, с. 411, 419]. Минимального изменения синтаксиса было достаточно, чтобы получить адресное оскорбление – и можно не сомневаться, что это изменение было с усердием проделано внимательным читателем. Так или иначе, беспримерное по своей дерзости поведение Крылова приносит ему известность – о нем говорят, он оказывается и на виду, и на слуху литературной столицы.

На последовавшем после почти десятилетнего перерыва басенном этапе творчества Крылова, принесшем настоящую славу, ему, казалось бы, «не к лицу и не по летам» было прибегать к эпатажным «выходкам». Однако раз и навсегда усвоенное стремление к оригинальности становится стилем поведения Крылова, органичной частью его я. Он со своим пренебрежением условностями, неряшливостью, нескрываемой любовью сытно покушать, вовремя сказанным точным словом и прежде всего, конечно, баснями, разлетающимися пословицами, кажется, уже из-под пера, отнюдь не

стремится быть в центре общественного мнения и неизменно оказывается именно таким центром. Эпоха романтизма с ее культом личности неожиданно оказывается созвучной мироощущению Крылова-антиромантика, а провозглашенный Жуковским принцип «Живи как пишешь» как нельзя лучше соответствует его образу жизни. Утверждая в баснях торжество здравого смысла, критикуя любые попытки изменить естественный порядок вещей, Крылов, отказавшись от светских условностей, всем своим существованием демонстрирует ненужность и нелепость многих общепринятых в социуме правил. Глубокую внутреннюю цельность натуры Крылова сумел ощутить Белинский, писавший: «Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского „себе на уме“... Человек, живой по натуре, умный, хорошо умевший понять и оценить всякие отношения... знавший людей, – Крылов тем не менее искренне был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом; напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою» [12, с. 727].

Таким образом, в эпоху романтического апофеоза личности глубоко оригинальный и самобытный по натуре Крылов, с одной стороны, впитывал «воздух времени», а с другой – самим пафосом прозаически заземленной и активной в самореализации личности не совпадал с отвлеченно возвышенным мироощущением романтиков.

### Список литературы

1. Вигель Ф. Ф. Из «Записок» // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Худ. литература, 1982. С. 168.
2. Плетнев П. А. Праздник в честь Крылова // Гордин М. А. Жизнь Ивана Крылова. Приложение. М.: Книга, 1985. С. 254–260.
3. Крицкая Н. В. Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 8 (98). С. 70–72.
4. Серман И. З. Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л.: Наука, 1975. С. 221–279.
5. Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Худ. литература, 1982. С. 208–234.
6. Вяземский П. А. Письмо А. И. Тургеневу 16 октября 1816 // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Худ. литература, 1982. С. 321.
7. Вяземский П. А. Приписка к статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 169–176.
8. Каменская М. Ф. Из «Воспоминаний» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Худ. литература, 1982. С. 168.
9. Каллаш В. В. И. А. Крылов. Биографический очерк // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1. С. 19–65.
10. Крылов И. А. Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей // Сочинения: в 2 т. М.: Худ. литература, 1969. Т. 2. С. 397–406.
11. Крылов И. А. П. А. Соймонову // Сочинения: в 2 т. М.: Худ. литература, 1969. Т. 2. С. 411–420.
12. Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Собрание сочинений: в 3 т. М., 1948. Т. 2.

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент.

**Томский государственный педагогический университет.**

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

**Национальный исследовательский Томский политехнический университет.**  
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.  
E-mail: nadia66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.02.2013.

*N. V. Kritskaya*

### LIVE AS YOU WRITE

The article dwells on the problem of relationship between I. A. Krylov's personality and romantic ideology of his time. The enigmatic nature of Krylov, being highly pragmatic and common-sensed, nevertheless, appears to have much in common with the basic principle of romanticism "Live as you write, and write as you live", declared by V. A. Zhukovsky.

**Key words:** *I. A. Krylov, romanticism.*

### References

1. Vigel F. F. From «Notes». *I. A. Krylov in memoirs*. Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1982, p. 168. (in Russian).
2. Pletnev P. A. A celebration to Krylov's honour. Gordin M. A. *A life of Ivan Krylov*. Supplement. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 254–260 (in Russian).
3. Kritskaya N. V. A phenomenon of the English fable in genre and functional aspects. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 8 (98), pp. 70–72 (in Russian).
4. Serman I. Z. Krylov the fabulist. *Ivan Andreevitch Krylov. Problems of the work*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 221–279 (in Russian).
5. Pletnev P. A. *Life and works of Ivan Andreevitch Krylov*. Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 208–234 (in Russian).
6. Vyazemsky P. A. A letter to A. I. Turgenev October, 16, 1816. Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1982, p. 321 (in Russian).
7. Vyazemsky P. A. P. S. to the article "A word of life and poems of Ivan Ivanovitch Dmitriev". *Ibid.*, pp. 169–176 (in Russian).
8. Kamenskaya M. F. From "Memoirs". Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 168 (in Russian).
9. Kallash V. V. I. A. Krylov. Biographical essay. *Krylov I. A. Omnibus edition. St-Petersburg, 1904*, vol.1, pp. 19–65 (in Russian)
10. Krylov I. A. The honourable speech to Yermalafide, spoken at the young writers club. *Works in two volumes*. Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1969, vol. 2, pp. 397–406 (in Russian).
11. Krylov I. A. To P. A. Saymonov. *Works in two volumes*. Moscow, Khudoshhestvennaya literatura Publ., 1969, vol. 2, pp. 411–420 (in Russian).
12. Belinskiy V. G. Ivan Andreevitch Krylov. *Works in three volumes*. Moscow, OGIZ Publ., 1948, vol. 2, pp. 705–732 (in Russian).

**Tomsk State Pedagogical University.**  
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.  
**National Research Tomsk Polytechnic University.**  
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.  
E-mail: nadia66@mail.ru